

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

**АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ
ГЕНКО
(1896—1941):
ПАМЯТИ
УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА**

16 ноября 1996 г. минуло 100 лет со дня рождения А. Н. Генко, лингвиста, историка, этнографа, неутомимого исследователя Кавказа. Дата эта прошла мимо внимания нашей востоковедной общественности. Хочется надеяться, что публикуемые здесь материалы восполнят это досадное упущение, предоставив читателю сведения о научной деятельности и некоторые подробности о трагической судьбе ученого, посвятившего всю свою недолгую жизнь, оборванную в заключении, всестороннему изучению народов Кавказа.

Распад Союза, возникновение «горячих точек» в Кавказском регионе и другие суровые реалии нынешней жизни затруднили подготовку (получение информации из республиканских архивов и т. п.) данной публикации. Тем не менее из развалин Чеченского государственного университета в г. Грозном пришла статья о Генко — лингвисте, написанная доцентом кафедры русского языка Абузаром Алиевичем Сумбулатовым, которому мы обязаны спасением архива А. Н. Генко во время печально известного штурма города. Информацию о Генко — этнографе с оценкой его роли и места в российском кавказоведении представил сотрудник Института этнографии и антропологии РАН (г. Москва) Юрий Дмитриевич Анчабадзе. Воспоминаниями о встрече с Генко в тюремной камере поделился доктор исторических наук арабист Теодор Адамович Шумовский (г. Санкт-Петербург).

Впервые издается речь А. Н. Генко, посвященная памяти академика-лингвиста Н. Я. Марра. Эта речь и ряд других материалов (воспоминания об отце, выписки из следственных дел, библиография трудов А. Н. Генко, перечень материалов, характеризующих его жизнь и деятельность, подстрочные примечания) подготовлены для данной публикации дочерью ученого Галиной Анатольевной Генко (г. Санкт-Петербург).

А. Н. Генко — лингвист

А. А. Сумбулатов
(Грозный)

Так устроена человеческая жизнь: чем дальше уходит время, унося с собой человека, его дела и поступки, тем ярче становится сама личность, значительность которой и при жизни была ощутима. К сожалению, очень поздно к нам приходит понимание и осознание этого.

Именно к таким людям, к личностям, о значительности которых начинают говорить и писать с большим опозданием, относится Анатолий Несторович Генко — видный ученый-кавказовед. Сказать о нем только «кавказовед» — это значит коснуться лишь одной грани (пусть очень яркой!) его многостороннего таланта. Он был востоковедом, научные интересы которого были устремлены на Кавказ. Но Кавказ Генко рассматривал и изучал только в том естественном обрамлении, в том контексте, из которого его нельзя вырывать: Россия и Ближний Восток. Можно без преувеличения сказать, что он был человеком, влюбленным в Кавказ и кавказцев. Смыслом своей жизни он считал честное служение своему долгу, долгу ученого-лингвиста и этнографа. Вышедшие из-под его пера работы о языках и народах Кавказа, даже посвященные, казалось бы, очень специфическим, очень узким проблемам, читаются легко и потрясают многогранностью информации. Он был очень суров к себе и к коллегам. Но эта суровость не делала Генко человеком догм, каких-то отживших схем и устаревших представлений. Напротив, он упрекал коллег за то, что они не идут в ногу со временем. В нем всегда присутствовала творческая мысль, и именно потому он, высоко ценя людей со смелыми научными идеями, беспощадно критиковал верхоглядов.

Научное наследие А. Н. Генко готовится к изданию в Чеченской Республике. К сожалению, война помешала научной общественности Чечни отметить 100-летие со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа, сделавшего неизмеримо много для развития языков и культур народов Кавказа. Однако лучшим памятником ученому послужит то, что его работы изучаются студентами Чеченского государственного университета на филологическом, историческом факультетах, а также на отделении востоковедения.

Архивные материалы А. Н. Генко хранятся в личной (домашней) библиотеке автора этих строк и доступны для научной общественности.

В настоящей статье мы ограничимся краткой характеристикой нескольких работ Генко, касающихся кавказских языков. Разумеется, его научное наследие огромно и заслуживает того, чтобы быть представленным более достойно.

В 1924 г. А. Н. Генко публикует статью под названием «Ликийское *çá*»¹. Небольшая по объему, эта статья и сегодня имеет огромную

¹ Генко А. Н. Ликийское *çá* // Доклады РАН. 1924. В (окт. — дек.) С. 190 — 192.

научную ценность, так как «бросает свет на самый трудный вопрос истории отдельных языков, именно ее начало». В статье речь идет о встречающемся на Ксанфской стеле и в надписи из Антифелла слове $\dot{q}a$ (resp. $\dot{q}wa$). «Значение его, — пишет Генко, — известно не было и выясняется лишь по сопоставлению с фактом применения общеяфетического слова $\dot{q}e$ (спирантной нормы) в виде приставки в конце фамильных имен для обозначения женщин — носительниц этой фамилии, например, имеретинское $\dot{T}av\dot{t}ani-\dot{d}e$ (мужчина), женщина этой же фамилии $\dot{T}av\dot{t}ani\dot{q}e$ и др.». Это замечание Генко имеет большое значение для истории нахских языков, так как с аналогичным значением слово $\dot{q}e$ встречается в чеченском и ингушском языках: $\dot{q}al$ (самка), $\dot{q}al-sag$ (женщина), $\dot{q}el$ (кобыла) и т. д.

Генко считал, что яфетическая теория Марра, «привлекательная материалы языков Кавказа, разъяснила уже целый ряд темных вопросов, связанных с древними языками М. Азии, что является непосредственным ответом на вопрос об языке и древнего населения греческого архипелага». Обращаясь в связи с этим к статье Н. Я. Марра «Нарицательное значение термина "qera" в "митанских" женских именах (по яфетическим данным)», А. Н. Генко пишет: «Здесь Н. Я. Марр выяснил исчерпывающе яфетическое происхождение этого имени, имеющего нарицательное значение "дитя-женщина". Мы имеем возможность отметить присутствие первой части этого составного слова в ликийском языке. Термин родства, особенно такой, который касается обозначения женщины, в классической стране матриархата, Ликии, заслуживает сугубого внимания»¹.

Для иберийско-кавказского языкознания вообще, а для нахских языков (чечено-ингушского) в частности, эти замечания и выводы А. Н. Генко имеют программное значение, так как древние малоазийско-нахские языковые (этнические) контакты — проблема актуальная.

С мая по июль 1926 г. А. Н. Генко продолжал вести начатую ранее работу по исследованию горских языков Кавказа; его в особенности интересовали данные по «одному из наречий чеченской группы диалектов, именно так называемому цова-тушинскому, представители которого, живя в настоящее время на территории ССР Грузии, в окрестностях г. Телави (с. Земо-Алвани), обречены в силу своей малочисленности (говорящих на цова-тушинском наречии насчитывается всего немногим более 2000 человек) на скорую утрату своего языка и окончательный переход на грузинскую речь»². В тяжелейших условиях того непростого периода А. Н. Генко провел значительное время в с. Земо-Алвани среди бацбийцев (тушин), где «были проверены все лексические материалы акад. А. А. Шифнера и значительно пополнены новыми фактами и где, сверх того, удалось записать некоторое

¹ Генко А. Н. Ликийское $\dot{q}a$. С. 191.

² Азиатский музей // Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г. Т. 2: Отчет о науч. командировках и экспедициях. [Без подписи]. Л., 1927. С. 142.

количество фольклорных текстов, совершенно не существовавших до настоящего времени в литературе для данного языка»¹.

Но этим не ограничивается его деятельность. Генко интересуют не только чисто лингвистические, филологические вопросы, но также происхождение и этнография тушин, история их поселения. Через горы он направился во Владикавказ, откуда, «при любезном содействии З. К. Мальсагова, заведующего Отделом Народного Образования Ингушской А. О., совершил поездку в с. Ангушт, где был произведен опрос жителей...». Собранные материалы позволили «установить с несомненностью древнейший доступный нам район поселения цова-тушин, с. Эрзий Мецхальского общества, и восстановить детали истории народных миграций этого района»². Совершенные Генко поездки помогли сохранить в записанном виде образцы фольклора, устных преданий, значительный лексический материал цова-тушин, подготовили необходимую научную и материальную базу для дальнейшего исследования этого региона и этого этноса. Те исследователи-кавказоведы, которые пришли в науку позднее, после Генко, конечно же, шли уже по пути, который был им проторен.

Весной 1927 г. А. Н. Генко совершает очередную и весьма плодотворную научную командировку в Абхазию. Результатом ее становятся несколько работ. Так, в статье «Абхазский вокализм»³ Генко касается одного из фундаментальных вопросов языкознания — принципов фонетически точной записи живой речи.

Отмечая огромный вклад П. К. Услара в исследование абхазского вокализма, Генко показывает, что «уже поверхностное ознакомление с прежними записями абхазских текстов... немедленно обнаруживает несостоятельность той системы записи, которая здесь применяется», подчеркивает недопустимость этой системы и необходимость выявления самостоятельных гласных фонем абхазского языка. После тщательного критического изучения трудов П. К. Услара, акад. Н. Я. Марра и других, Генко приходит к выводу о том, «что самостоятельных фонем абхазского языка — две: *a* и *э*, изменение которых под влиянием соседних звуков, при нередко сопутствующей редукции соответственного гласного, дает ту картину разнообразия звуковых оттенков, которые мы находим выраженными в доступных нам печатных материалах»⁴.

Позднее, в 1930 г., печатается его лингво-этнографическая работа «О названиях "плуга" в северокавказских языках»⁵. Здесь прежде всего бросается в глаза широта охвата этнографического и языкового материала, тонкий анализ каждого слова, выступающего в значении названия плуга. Подвергнув скрупулезному рассмотрению работу Р. Ачаряна, касавшуюся вопроса о названиях плуга в горских языках Кав-

¹ Азиатский музей. С. 143.

² Там же. С. 142.

³ Генко А. Н. Абхазский вокализм // Изв. АН СССР. 1928. (Сер. 7. № 1). С. 45—54.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Генко А. Н. О названиях «плуга» в северокавказских языках // ДАН СССР. 1930. № 7. С. 128—135.

каза, а также сочинение Р. Эркerta «Die Sprachen des kaukasischen Stammes» (Wien, 1895), Генко предостерегает кавказоведов от возможности грубых ошибок при использовании этих источников. Он пишет: «Закавказские названия, приводимые Эркертom (ингилойское, грузинское, имеретинское, мингрельские, лазское и сванские) — оставляю в стороне, хотя они и подают повод к многочисленным поправкам и дополнениям. Что же касается северокавказской терминологии, то тут сведения Эркerta способны создать ложное представление и о самом существенном — географическом распространении плуга как орудия сельскохозяйственной обработки земли»¹. Работа А. Н. Генко насыщена специальной терминологией, сельскохозяйственной лексикой, многими словами и специальными выражениями, которые представляют огромный лингвистический и этнографический интерес для всех, кто занимается Кавказом, кавказскими языками, народами, их культурой и бытом. К работе имеется приложение, к сожалению не опубликованное. Это довольно большое собрание рисунков, изображающих плуги, которыми пользовались народы Кавказа, — материал, бесспорно, ценный для историко-краеведческих и этнографических музеев Кавказа и для тех, кто интересуется культурой и орудиями земледелия вообще.

В 1932 г. Институтом чеченской культуры издается «Тушско-чечено-русский словарь» А. Мациева, вызвавший неоднозначную реакцию в научных кругах Москвы и Ленинграда. Наиболее тщательно словарь был проанализирован А. Н. Генко, который фактическим материалом владел гораздо лучше, чем составитель словаря и сотрудники Института чеченской культуры. Он подверг серьезным сомнениям представления М. Мамакаева (автора предисловия к словарю) о происхождении цова-тушин, указал на отсутствие логики в утверждениях исследователей, пытающихся увязать происхождение цова-тушин с вайнахским племенем «ваьп-пий» («фьяппий»)². Поражает многообразие примеров, слов и словоформ, которые приводит Генко как для опровержения неверной установки автора, так и для утверждения истины.

Энциклопедические знания, глубокое владение материалом, умение верно ориентироваться в лингвистических и этнографических наблюдениях и, самое главное, неисчерпаемая любовь к Кавказу и кавказцам позволили Анатолию Несторовичу оставить богатое, но, к сожалению, до конца не оцененное научное наследие, которое, несомненно, очень скоро займет достойное место в возрождающейся науке кавказоведения. И благодарные потомки дагестанцев, чеченцев, ингушей, грузин, абхазов и черкесов — всех кавказцев будут знать и помнить Анатолия Несторовича Генко, чье сердце пылало любовью и уважением к истории, к духовным ценностям, к языкам и культурам народов Кавказа.

¹ Генко А. Н. О названиях «плуга»... С. 129.

² Генко А. Н. Из области чеченской диалектологии // Языки Северного Кавказа и Дагестана. I. М.; Л., 1935. С. 118—133.